

Московский международный фестиваль "Лики любви" подошел к концу. Сегодня в Центральном концертном зале "Россия" состоится торжественная церемония его закрытия под интригующим названием "Фестиваль закрыт! Да здравствует фестиваль!" А мы, как и обещали, продолжаем знакомить читателей с прибывшими на "Лики любви" знаменитостями.

Тео АНГЕЛОПУЛОС:

Куранты. - 1996. - 16 янв. - С. 3

“Кино — это грезы о лучшем мире”

Греческий режиссер Тео Ангелопулос — мировая знаменитость. Его фильмы обласканы вниманием на самых престижных фестивалях, его “Комедианты”, “Александр Великий”, “Пейзаж в тумане” успели войти в историю кино. Однако Ангелопулос известен еще и как обладатель тяжелого характера, что подтвердилось на московском международном фестивале “Лики любви”. Узнав, что конференц-зал в гостинице “Россия” не полон, встретиться с журналистами мэтр отказался.

После долгих переговоров дирекции фестиваля пришлось за валюту спешно арендовать зал в “Метрополе”, где поселился Ангелопулос. Журналистов отправили туда, лишив возможности посмотреть очередной фильм. Зато у Ангелопулоса настроение исправилось, и свой каприз он объяснил бурной встречей старого Нового года, результатом которой стала “свинцовая” голова. Правда, есть и другая версия: гений поутру поссорился с женой. По-человечески все это понять можно, да журналистов-то зачем мучить?

Утешает одно: Тео Ангелопулос привез на фестиваль поразительный фильм “Взгляд Улисса”. Это история странствий греческого кинематографиста, одержимого манией отыскать первый фильм “отцов” греческого кино братьев Манакис, который так и остался не проявленным. Поиски заветных коробок с пленкой приводят героя в Грецию, Албанию, Румынию, Югославию и завершаются в воюющем Сараеве. Дорога приводит его не только в разные города и веси, но и в прошлое — свое и одного из братьев Манакис. Самое поразительное в картине — эпизоды в разрушенном Сараеве, который оживает, когда на город опускается туман, делающий стрельбу невозможной. На едва проглядывающих сквозь туман улицах люди гуляют, танцуют, слушают игру оркестра, следят, как юная пара разыгрывает “Ромео и Джульетту”. И расплачиваются жизнью за этот краткий глоток свободы. Естественно, приехавшего впервые в Россию режиссера журналисты расспрашивали исключительно об истории создания его шедевра, на фестивале в Канне удостоенного Большой премии жюри.

— Во “Взгляде Улисса” рассказана реальная или вымышленная история?

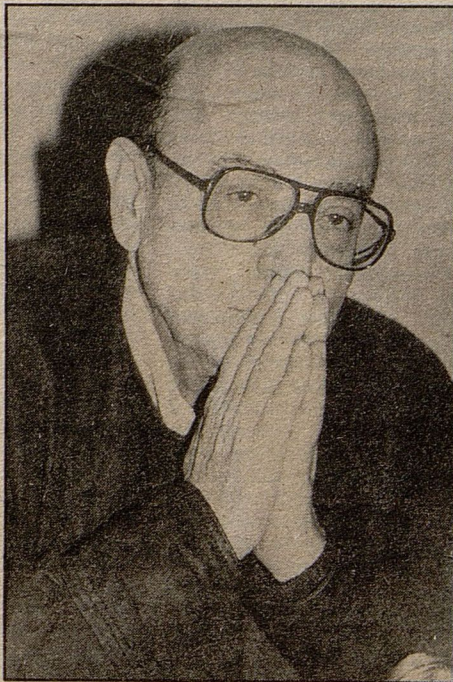
— Коробки с не проявленными пленками существовали на самом деле. Авторы первого на Балканах фильма — совсем простые люди, которые приехали в Бухарест из деревни, увидели опыты братьев Люмьер и были потрясены. Один из них на перекладных отправился в Лондон, купил камеру и привез ее в родную деревню. Там братья сняли свою бабушку и ее односельчанок. Эти кадры использованы в моем фильме — как память о первом взгляде, брошенном кинематографом на Балканы. Но, по слухам, до этого фильма был сделан еще один, так и оставшийся не проявленным. Поскольку все последние братьев в пятьдесят третьем году купило югославское правительство, я отправился в Белград и там поинтересовался, существует ли пленка. Оказалось, есть три коробки. Пленку пытались проявить, но очень боялись испортить и в конце концов оставили в покое. Однако рассказать во “Взгляде Улисса” я хотел не историю кино, а историю века. И еще поделиться с другими всем, что любил, — пейзажами, женщинами, поэтами.

— В каких условиях снималась картина?

— Необычайно тяжелых. Сейчас много говорят о единой Европе, но на самом деле границ в ней становится все больше, и самым трудным было их пересечь. Съёмочная группа ночевала в отелях, которые не отапливались, все болело, и сам я оказывался в больнице трижды. Джан Мария Волонте, который должен был играть главную роль, умер на съемках после чудовищного двадцатичасового переезда в автобусе. Его заменил Харви Кейтел, но в Югославии к американцам отношение отрицательное, так что американское посольство не разрешило актеру выезд. Он очень хотел сниматься и все-таки поехал с нами, но из автобуса выходил, только когда начинала работать камера. В самых опасных местах нас охраняли вооруженные солдаты и члены военизированных групп, которые требовали огромных денег. В общем, одни банды защищали от других.

— Ваш герой плывет по Дунаю на барже, везущей демонтированную статую Ленина. Как возникла эта сцена?

— Прочитал в газете, что какой-то богатый американец или немец заказал великому французскому скульптору Сезару статую из...

ленинских голов. Поваленные статуи Ленина собирали по всей Восточной Европе и свозили в Париж, в сад Сезара. Говорят, выглядело это скопище так жутко, что Сезар не мог спать ночами. Я решил использовать этот факт, потому что для моего поколения вся история XX века — это необходимость отвечать на вопрос: “Ты за социализм или против?” И путешествие статуи Ленина на пароходе для меня — знак конца исторического периода, окрашенного социалистической идеей.

— Как работало с интернациональной съёмочной группой?

— Замечательно: профессионалы всегда могут найти общий язык. В фильме снимались американец Харви Кейтел, швед Эрланд Юсефсон, работавший с Бергманом и Тарковским, румынка Майя Моргенштерн, греческие, болгарские, сербские актеры. Все они из разных актерских школ, но для меня главный критерий — истинность игры.

— Как родилась идея фильма?

— В начале восьмидесятых я встретился в Риме с Андреем Тарковским: у нас оказался общий ассистент. Андрей тогда снимал “Ностальгию”, и в результате нашего знакомства я хорошо узнал великого сценариста Тонино Гуэрра. Сказал ему, что хочу сделать современную “Одиссею”. И дальше я просто ходил по комнате туда-сюда и говорил, а Тонино слушал. И потом заметил, что меня волнуют две вещи: страх, что кинематограф умрет в конце нашего века, и положение на Балканах. И еще он понял, что я опасуюсь “замысленности” своего взгляда на мир. Феллини как-то сказал, что режиссер — это Бог, создающий новый мир. Это чудо, но это и колоссальная ответственность. Чтобы проверить, сохранилась ли “невинность” моего взгляда на жизнь, я и стал снимать эту картину. Для меня кино — единственный оставшийся способ грезить о лучшем мире для всех нас.

— В Сараеве и в самом деле играет разнациональный оркестр, как в вашем фильме?

— До того, как началась война, там существовал оркестр из сербов и хорватов. Есть он и теперь, но проблема в том, что они вместе играют музыку, а потом расходятся и убивают друг друга. Это напомнило мне эпизод гражданской войны в Греции. Были два брата, один — за коммунистов, другой — за националистов. Шел бой, их отряды стояли по две стороны оврага. И тут один брат крикнул другому, что умерла их мать. Бой прервали, братья спустились к реке, оплакали мать — снова стали сражаться. В Югославии тоже идет гражданская война, а в ней не бывает хороших и плохих: это общая трагедия.

— Почему назвали фильм “Взгляд Улисса”?

— Был в гостях у Гуэрра, читали “Одиссею”: он — по-итальянски, я — по-гречески. Хлопнула дверь, вошла девушка с письмом от дочери знаменитого итальянского скульптора Джакомо Манцу, которого тогда уже не было в живых. В числе прочего там говорилось, что Манцу мечтал сделать скульптуру “Взгляд Улисса” как символ всей человеческой истории приключений. И я понял, что фильм должен называться именно так.

Полосу подготовили
Татьяна ИСКАНЦЕВА
и Андрей СТРУНИН (фото).